

The background of the image is an abstract, textured composition of horizontal bands. The colors transition from a deep teal at the top, through lighter blues and greens, to a pale yellow and white at the bottom. The texture is grainy and painterly, with visible brushstrokes and a slightly mottled appearance.

Александр Талыга

*Предзимние
росы*

Александр Галыга

Предзимние росы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31186929

ISBN 9785449062604

Аннотация

Сборник стихов о малой Родине. Как прекрасна она, как умна, беззащитна и как она щедра к нам. Не теряйте нити связей с малой родиной, со своим прошлым, настоящим и будущим. На обложке картина «Море», А. Галыга.

Содержание

Предзимние росы	6
На плёсах хариуса нет	8
Апрельское утро	10
Придет весна нежданно	11
Снова капли на ветвях повисли	12
Ручеек—журчалочка	13
Лето	15
Осень	16
Листопад	18
Осень	20
Когда зимой растительность в мороз	22
Деревенские помню гулянья	24
Эти зимние горки- забавы	25
Я люблю мой Саянск	27
Саянский вальс	28
Над деревней Мурино	29
У нас сегодня превосходный день	31
Ольхон	33
Яр – красавец остывшим рубином горит	35
Деревня Усть-Када	37
Столько прожито, столько пройдено	39
В Уяне	41
К малой Родине	43

Медвежатнику	45
Ока. Уян. Ананьев остров	47
Я уйду не простившись, уеду	50
Отзвуки детства	52
Клёкот ворона	54
Первостроителям Саянска	56
Журавли	57
П Р О З А	59
СТРИЖИ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Предзимние росы

Александр Галыга

© Александр Галыга, 2018

ISBN 978-5-4490-6260-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предзимние росы

С. В. Ив.

Я не люблю морозы и жару,
но обожаю мокрую порошу,
когда окно раскроешь поутру
и утро враз дотронется до кожи.

И серебристой зернью в синеву,
укутывая небеса и дали,
оно рассеет влагу наяву...
И что с тобой как будто не видали

увидим мы в красе предзимних рос.
Когда душой охолодевшей круто
почувствуем как шорохом берез
нас обжигает музыкою будто.

Осиротевшим шелестом ветвей
заполня все пространство по соседству,
неповторимой музыкою, всей
такой родной, такой знакомой с детства.

Уйдем под эту музыку сейчас
пока душе и холодно, и грустно,

пока не оживут пронзая нас,
внезапные нахлынувшие чувства.

Неузнанные прелести зимы
еще едва понятые, срastутся
как смутные, встревоженные сны...
И разойдутся снега, разойдутся.

И в этот миг я и беру перо
чтоб записать, как деликатно в косы
твои всепроникающе, хитро
кладется снег, растаивая в росы

предзимние. Там, ближе к холодам,
так снег на них уже не будет плакать...
И я тебя, ты знай, я не отдам
за тысячи созвездий зодиака.

На плёсах хариуса нет

Андрею Русецкому

На плёсах хариуса нет.
Весь хайрюз нынче на шивёрах.
Такого лета много лет
давненько не было. Коль скоро
потаял раньше срока лед,
открылись и прогрелись воды,
уже их теплыми несет
Ока- красавица. Погода
теплом ласкает берега.
Черемуха цветет, и верба
пушится золотом. Ольха
слегка волнуется под ветром
зеленым бархатом листвы...
Май, но уже отцвел подснежник.
Напрасно думаете вы:
– Чудак, ей-богу, он – насмешник...
В Сибири, в мае, где же тут
он лилии сегодня видел?...
Но что поделать, коль цветут
уже поляны желтых лилий.
И потому весь белый свет
так изменился непохоже...

На плесах хариуса нет,
на перекатах нету тоже.
И я бреду на шиверу
под пену струй, где с ног срывает...
И как июльскую жару
мне майский день напоминает.
Уеду завтра под Уян.
Палатку разобью у яра.
И буду вдохновен и пьян
от аромата и припара
великолепных этих дней
природой выплеснутых в мае...
Мы доверительны лишь с ней:
без слов друг друга понимаем.

Апрельское утро

Пробивалось, сквозь марево рдело,
молодое работало солнце,
у завалин парило, потело,
умывало слепые оконца.

Млела верба у края обрыва,
осиянная солнечной пудрой...
и запели ручьи торопливо,
наполняя апрельское утро
ощущением радости, света...

И земли обнаженное тело,
обласкав дорогое семейство,
предвкушая хорошее лето,
потянулось так сладко и смело
приступило к великому действию.

Придет весна негаданно

Антону Александровичу Гаврилову

Придет весна негаданно, и чтобы
избавиться от снежной толчеи,
проворно март подсахарит сугробы
и на откосы выплеснет ручьи.
Пойдёт она, свободная водица,
на все переливаясь голоса,
и наземно потеплеют лица,
и отойдут от горечи сердца.
Не долго ждать останется, ей богу,
когда соединя в могучий хор,
поток весны, лесок, дворы, дорогу,
освободит, смывая хлам и сор,
и вынесет по рекам к океану
в места глубин, безмолвия и льда.
Предчувствую как скоро и желанно
сойдёт туда апрельская вода.

Снова капли на ветвях повисли

Снова капли на ветвях повисли —
вечная условность бытия
и пытаюсь заново осмыслить
всё, что не впервые вижу я.

Краснотал над отмелью взметнулся,
бьёт в литавры прошлогодний лед
и подснежник к небу потянулся,
не спугните, он впервые пьёт,

и потом нахохлится, глаза,
вслушиваясь долго, как вокруг
землю вышивает, зеленея,
сочными травиночками луг.

Ручеек—журчалочка

Ручеек—журчалочка оживился к вечеру
и береза белая словно ожила,
желтыми сережками шелестела весело
и шептала ласково, что весна пришла.

Снова огородами выбегу взволнованный
по сырым проталинам, я весь мир любя,
к берегу отлогому, где так сладко екало
с замираньем трепетным сердце у тебя.

Где водою талою упоенный шалою
в басовитом рокоте буйствует овраг,
где с тобой гуляли мы от капли пьяные
над рекой, влюбленные, ночи до утра.

Эти ночи теплые, этот смех девчоночий,
эти звезды ранние в сердце берегу...
Снова за околицей на сосульки колется
рассыпаясь бисером лед на берегу...

Жаль что на прощание с верой и отчаяньем
только, до свидания... И на много лет...
пусть же звезды ранние в наши сны желанные
и дороги дальние посылают свет.

1977 – 2001 з.

Лето

Ирине Викторовне Бухаровой

Здравствуй лето с туманами белыми
меж теснящихся в роще берёз,
с дождевыми поющими стрелами,
зябким трепетом утренних рос.

Дай мне лето волшебное средство,
чтоб от зимних простуд и тревог
мог ступить неожиданно в детство,
в пыль вечернюю теплых дорог.

Чтобы только согреться душою
и вдохнуть запах скошенных трав,
посидеть у костра над водою
у забытых речных переправ.

И опять наслаждаться рассветом,
замирать от зарницы в окне.
Жаль, что коротко здешнее лето
и от этого краше вдвойне.

Осень

Грустно как! Куда бы взгляд ни бросил,
потускнела зелень и листва
и едва замеченная, осень
скоро вступит в полные права.

Пеленой тумана опечалая,
у реки уснувшие кусты
и едва позолотит вначале
первые увядшие листья.

Но ещё ни на луга, ни в рощу
желтокрылой птицей не летит,
кровью клёнов на ветру не ропщет,
мне души ещё не холодит.

Но так скоро с ней не будет сладу,
чтобы без труда и маяты
оторвать восторженные взгляды
от её печальной красоты.

До конца в её живом сосуде
ненасытным пламенем дыша
будет всласть, чего не знают люди,
бесноваться женская душа.

Только всё посвершив как надо,
напомадя губы серебром,
вновь уйдёт, спеша опять куда-то
донага раздетым октябрём.

Буду ждать, ходить лугами к роще
и напрасно с болью, повторять:
– Я люблю вас, Осень! Правда, проще
не любить, не ждать и не терять.

Листопад

Виталию Кузнецову

Грустное время. Осенние листья
шумно гнездятся в постель.
Сохнет палитра, замочены кисти
и бесполезна пастель.

Переболеть колдовски-бесноватым
танцем кровавых сердец,
чувствуя в корень себя виноватым
и бесталанным вконец.

Пить колорит, обжигая глазницы,
трепет угасших ветвей,
милая, ты не поможешь, синица,
трелью весёлой своей.

Долго ещё, в напряженном прищуре,
впитывать будет, спеша,
прелесть и боль уходящей природы
до утоленья, душа.

А, между тем, успокоив осины
и завершив листопад,

киноварь крупным мазком с мастихина
бросило солнце в закат.

Осень

Какая затяжная нынче осень,
с обилием и снега и тепла...
И лёгкая небес увядших просинь,
и туч нависших сумрачная мгла.

И ветер, что кусты клонил устало
под колкий перезвон шуги, затих...
И мне вдруг на мгновение предстало,
что этот год устал в конце пути.

Как конь ретивый вырвавшись на волю
он нёсся, не щадя могучих сил.
То невпопад дождей излишек пролил,
то ягоду в цветеньи засушил...

То горы тряс, забыв про осторожность,
разливы рек, как пену рта швырял
и рук людских строения на прочность
как старый зодчий строго проверял.

Да. И судьба и время беспощадны...
За летом осень... Но из года в год
с какой-то легкой грустью непонятной
люблю её приход, её уход.

Люблю журавий крик во тьме осенней,
дымок полупрозрачный у реки,
и свежесть чувств, и силу вдохновенья,
очарованья, грусти и тоски.

И журавлиным плачем сердце раня,
как в детстве раннем, так вот и теперь,
мне так и не найти разумной грани
среди находок наших и потерь...

А над рекою снова в эту осень
уоставший год снежинками кружил...
Он на виски мои впервые проседь
как первый снег на зиму положил.

Когда зимой растительность в мороз

Калянову Александру Петровичу

Когда зимой растительность в мороз
одета в иней фантастичной силы:
березы в нити белоснежных грез
и иглы сосен в лунные белила...

Когда земля в белесой пелене
пухового без края одеяла,
когда полмира в тихом полусне
и до весны совсем еще не мало

мне жить и ждать, топить холодный дом
и радым быть к обеду редким солнцем...
Я вот сегодня думаю о том,
что где-то там, вдали за горизонтом

лежит родной, желанный сердцу край,
откуда начал я свои дороги,
и сколько мест к душе не выбирай,
он остается лучшим из немногих.

И красотой зимней упоен,

сейчас, когда зима на белом свете,
я думаю сегодня о своем,
я почему-то думаю о лете.

Деревенские помню гулянья

Деревенские помню гулянья.
У мостов, у околиц народ
на уютной закатной поляне
вечерами водил хоровод.
Лай собак нарочитый и громкий,
перезвон табуна, да какой!
Монотонное рыпанье хромки,
стук весла над уснувшей рекой.
И гармонь, стало быть, неспроста
перебор свой хитро выговаривала
и о чем-то всё не договаривала,
всё кого-то звала у моста.
И теперь, как услышу гармонь,
так и манит тряхнуть стариною!
Звуки первой любви как огонь
обожгут и уйдут стороною.
Отзвенели, забыты вечёрки,
лишь туманы на дальних лугах
вновь и вновь заливают пригорки,
жмутся за полночь к тёплым стогам.

Эти зимние горки- забавы

Трофимук Татьяне

Эти зимние горки- забавы.
Этот синий искрящийся снег.
И налево кругом, и направо
гулкий говор и радостный смех.
Новогодние пьянки, гулянок
бесконечная ночь напролет,
фейерверки, улыбки, и санок
сумашедше несущих вперед
крики, пенье полозьев, и елка
именинницей праздничных дней
зывает настойчиво, долго
разноцветной палитрой огней.
Я люблю новогоднюю стужу,
эту звонкую звездную ночь.
Снова буду весельем разбужен,
мне бессонницу не превозмочь.
Я оденусь и выйду на гору.
повстречаю друзей и подруг.
Дома в эту счастливую пору
усидеть невозможно, мой друг.
Разве плохо, когда в целом свете
люди вместе ликуют, поют,

беззаботно, как малые дети,
мне уснуть до утра не дают.

Я люблю мой Саянск

Я люблю мой Саянск в августовские росы одетый,
и весной, в ожерелье багульника, добрый, хмельной.
По еловым распадкам, по тропам извилистым летом
я лунатить люблю под большой серебристой луной.

Это звездное небо с полярной звездой над лесом,
с той надеждой, что льет мне таинственно свет
из ковша...

Я люблю, когда солнышко утром приходит воскресным,
освещая мне комнаты ласково и не спеша.

И по будням, и в праздники эти знакомые лица,
что приветливым взглядом, улыбкой согреют своей...
И, надолго уехав, скучаю, и город мне снится,
город юности, счастья и город надежды моей.

И опять вспоминаю с теплом и надеждою тоже,
как приветливы люди в глубинном сибирском селе...
И когда возвращаюсь, то чувствую, – нету дороже
и уютней Саянска на этой огромной земле.

Саянский вальс

Александр Петрович Сигал

По бережку от станции Зима
веселой лентой магистраль уносится.
А вдоль нее заводов терема,
и за рекою новый город строится.

В добрый час, в добрый час приезжайте в Саянск.
Город наш вы полюбите сразу.
Без прикрас, без прикрас молод он и вихраст
над сибирской Окой синеглазой.

Там по распадкам кроется туман.
Из леса на газон багульник просится.
Купается в заре, колдует кран.
И над рекою ласточки проносятся.

Таежный воздух, чистые снега.
Вершинами Саяны голубеют.
И удивленно смотрят свысока,
как город наш растет и молодеет.

Над деревней Мурино

Над деревней Мурино
у Байкала хмурится
солнышко за облаком,
калибруя луч.

Голубою дымкою,
словно невидимкою,
пеленает кадмием
горизонты круч.

И по над заливами
мы идем счастливые:
кедрами, рябинами
мы опьянены.

Пихтачи, черничники
с шорохами птичьими
шепотом беседуют
с ветками сосны.

И во всем увиденном,
и во всем услышанном
есть неповторимая
прелесть тишины.

Нас она аукает,
нас она баюкает
отдаленным шелестом
голубой волны.

Полуобнаженные,
солнышком сожженные
мы пойдем навстречу
ласковой волне...

У костра случайного
по соседству с чайками
посидим задумчиво
в этой тишине.

Будет сниться-помниться
долго, очень долго нам
и не омрачиться
тенью серых скал,
как по над заливами
мы идем счастливыми,
как у ног приветливо
плещется Байкал.

У нас сегодня превосходный день

У нас сегодня превосходный день.
С утра колючей мглою моросило,
и в голове металась хренотень,
и в бесполезной суете носило.
Но к десяти открылся небосвод,
и выкатило солнце из-за леса,
и оживило бег байкальских вод,
и мы с тобою не без интереса
глядели на булыжники в воде,
на многоцветье призрачных камней...
И у тебя был летний день рожденья...
И вновь, и вновь мы наблюдали, где
из леса паутину на Байкал
растягивал паук – левобережник,
и пихты аромат у влажных скал
пьянил... Причудой форм валежник,
покрытый мхами, создавал уют
картины необыденной и древней...
Как слышно далеко, как тут поют
лесные птицы, сразу за деревней,
и плеск волны, и белых чаек крик!
И отдаленный голос парохода
органным басом все-таки достиг
до берегов, чуть напрягая воду...

И, оттолкнувшись от прибрежных скал,
уплыл назад, как одинокий странник...
И избирал, и знал один Байкал,
кто на сегодня есть его избранник...
И были мы почти оглушены
изяществом великолепных звуков
в империи великой тишины...
И долго кроны кедра и сосны
ввысь улетали, обнявши друг друга.

ОЛЬХОН

Под гуденье дорожной шарманки,
вот уже позади Еланцы,
вижу гордые скалы Шаманки,
в молоке Маломорья гольцы.

И Хужир, утопающий в дымке,
крике чаек, паромных тросах,
застывает в стотысячном снимке
и твоих утомленных глазах.

Да и я, как во власти недуга,
то меняя тетрадь на мольберт,
все рисую чудесного друга,
все пишу за портретом портрет.

Он, Ольхон, он суров и прекрасен,
он Байкала достойный венец...
То рассветит, то снова угасит
все тона и оттенки в свинец.

И надрывно, могучей стеною
держит он под Сармою шторма...
Долго пеной его ледяною
наслаждается злая зима.

А когда закует и устанет,
зелень льда загорит, зазвенит,
и еще величавее станет
хрусталем обрамленный гранит.

Яр – красавец остывшим рубином горит

Анатолию Ананьевичу Сизых

Яр – красавец остывшим рубином горит
и на паберега, и по реке
в приглушенном малиновом свете царит
полудымка. И там, вдалеке,

на осенних полях, что уже отцвели,
за прозрачным леском у болот,
доставая до сердца, кричат журавли,
журавлят собирая в полет.

Полететь бы и мне вольной птицей большой
над полями, над яром, туда...
И у теплых морей бы согреться душой,
где зеленая катит вода.

Только не улететь от родных деревень,
от погоста, родительских мест,
где на тысячи верст и на тысячи дней
есть один только праведный крест.

Здесь, в родной стороне, где я в детстве бродил,

здесь, у Яра, в тумане цветном,
О местах, о которых так нежно грустил,
вторят мне журавли о родном...

Деревня Усть-Када

Анатолию Петрову

Вновь уйти знакомою дорогой
через мост, где прямо под тобой
вновь Ока певуньей – недотрогой
ускользает лентой голубой.

И тиранит взор воображенья
колоритом пламени закат,
и дурманит свежестью весенней
у реки черемух аромат.

Вновь уйти единственным прохожим
перелесков, балок и бугров,
где надолго будешь заморожен
гомонов лягушечьих хоров.

Кем заведено земное время,
как оно наполнено умно
звуками и запахом растений,
связано и переплетено.

Как земля красива в эту пору!
И когда, уставши, потемну,

возвратясь поднимешься на гору,
и родную взглядом сторону

вновь окинешь. Нету их прекрасней,
сладостнее сердцу моему,
этих вод зеленовато-красных
и черемух в розовом дыму...

Так, терзая зимними ночами,
будоража в сутолоке дней,
предстают красоты и печали
милой малой родины моей.

Столько прожито, столько пройдено

Столько прожито, столько пройдено,
отшумели мои поезда.
Свою милую малую родину
не забыть бы мне навсегда.

Там в глубинной деревне моей
тихо бабушка век доживает
и не видит, и не слышит годами детей,
даже правнуков многих не знает.

И чем чаще дождями, туманами
свет придавлен в моем окне,
тем отчетливей слышу мамино:
– Не забудь, сынок, обо мне.

До родимых мест как же долог путь
от проблем, от дел, от дорог...
Верю все равно и когда-нибудь...
Как я долго прийти не мог!

Под журавий скрип. Скрип колодезный,
чтоб опять, хоть глоток, вдохнуть
воздух милой моей малой родины.

Жаль, что прошлого не вернуть.

Не вернуть уже смех девчоночий,
ночи теплые у реки,
как всю жизнь, по родной стороночке
не избавиться от тоски.

В Уяне

Сизых Анатолию Ананьевичу

Нежданный гость уже вторые сутки
хозяином гуляет по двору,
бубнит, бормочет шутки, прибаутки,
в одну ему понятную игру
играет он, а вроде занят делом
с утра до ночи, с ночи до утра.
За сутки столько шалостей наделал:
тропу к колодцу превратил в овраг,
наполнил бочки, тазики, ограду,
в саду залил осевший напрочь стог,
не чтоб проехать, а пройти по тракту
проблематично стало без сапог.
Смотрю в окно. Не видно крыш соседских,
бывают и сильней дожди, хотя
я не припомню со времен советских
такого неумного дождя.
Набрякли прясла старого забора
и пожелтел меж них зеленый мох...
Неугомонных воробышек свора
толкается, запрятавшись под стог
и под навес у погребя всей стаей...
во мгле подвижной дождевой пыли

теснятся на колодине, слетая
почистить перья в пухуне земли.
К обеду потеплело. Солнце близко
к земле пробившись, уронило жар
освечивая двор и низко – низко
по-над землею заструился пар.
И засмеялись индюки в ограде,
заржали кони у солончаков
и, надо полагать, не шутки ради
завыл мотор у пьяных рыбаков.
А дождичек все силится, стараясь
вновь лужи пузырить, плясать в песке,
но луч меж туч все чаще прорываясь
сулит конец безделью и тоске
двух дней воскресных. Закрываю книгу
и следом за детьми иду во двор
улаживать дождливую интригу...
Нежданный гость, он все—таки не вор.

К малой Родине

Разрывая бампером туманы
мчит меня тойота по шоссе.
Импрессионистом полупьяным
сонный взгляд блуждает по росе
придорожных галечных обочин...
Силуэт машины грузовой
то, поблекнув, канет между сосен,
то возникнет снова, как живой.
По колени в молоке тумана
утонули сосны и всерьез
предстают необычайно странно
ветви опечаленных берез.
И среди империи тумана
на сиденье слева от меня
безмятежно дремлет дочка Анна
в предвкушеньи сказочного дня.
На высокий яр приедем с доней.
Это место любят земляки,
где на сотню верст, как на ладони,
видно все: извилины реки,
перелески, села, деревушки,
связанные лентами дорог,
облаков пушистые верхушки
с лапами теней, что тракторок

догоняют и перегоняют,
накрывая, словно кошка мышь...
На Уянском озере играет
выводок утят, блестит камыш
бликами листвы. И отрываясь
с горизонта кверху и вперед,
и пунктирно двигаясь, сверкает,
и слепит стрелюю самолет...
Каждому из нас они знакомы,
те дымки родные вдалеке
с запахом родительского дома,
с болью сердца сжатого в тоске.
Мне оно особенно желанно,
это место в дорогом краю...
Важно мне, чтобы могла и Анна
вновь увидеть родину мою.
Я хочу, чтобы не стала Анна
Дарьей не помнящей родства,
чтобы в самых трудных испытаниях
не увяла ветвь, была жива,
незабвенна на семейном древе...
И вдогонку солнечным лучам
теплый ветер нежно юной деве
кудри развивает по плечам.
Мы глядим туда, где на кладбище
прадед наш покоится и дед...
На планете мест красивых тысячи,
но для нас святее места нет.

Медвежатнику

Андрею Степановичу Корниенко

При первой встрече он рычал сурово:
– Не трону я, и ты меня не трогай...
Но не послушал ты и ищешь снова
в тайге зимою раннюю берлогу.

С тех пор, кто знает, может и случайно
в тайге окрестной вывелся медведь,
мигрировала белка в Забайкалье
и дичи меньше стало. Правда, ведь?

А помнишь, как в былые времена,
в седле сидел подобно Дон Кихоту,
слегка не доставая стремяна,
когда впервые ехал на охоту.

И пусть большая утекла вода
с тех пор и сделано так много.
Но новая в твоей душе мечта,
а где мечта, там новая дорога.

Ты от мечты к мечте идешь упорно
не ведая усталости в труде,

и зажигаешь смело и задорно
огнем своей души сердца людей.

Декабрь 1983г.

Ока. Уян. Ананьев остров

Сизых Ивану Ананьевичу

Я живу спокойно. И лениво
воет ветер за моим окном.
И стоит забытый, сиротливо
над обрывом старенький наш дом.

Только это кажется так людям,
что упёрся он глазами в лес.
В окна створниц праздников и буден
не видать давным-давно чудес.

Нет! Из сенцев из моих, так просто!...
С яра видно множество чудес:
плавает в реке огромный остров
и на нем растёт еловый лес.

На полянах лук, чеснок и щавель,
и сарана, и кипрей цветёт.
На мысу коряг и брёвен заваль,
и сквозь них вода кипит, идет,

и шумит, и ухает, и стонет.
Отдалённый водопадный звук

создает такой уют и тонет
в гомоне обыденном. То стук

вёсел и гагары в днище лодок,
лай собак, то птицы гоготье.
Звонкий смех и пение молодок
вечером полощущих бельё.

И моя река, – моя отрада!
Перелески там на берегу
за рекою и тебе так рад я.
Как я быстро под гору бегу!

И ещё быстрее, нет-нет, не сдуру,
снова в гору взять и припустить.
Просто уходящую натуру
мне не в силах больше упустить.

Красный яр рубиновою булкой
будет этот остров обогащать.
И осой назойливою гулко
где-то вдалеке гармонь гулять.

О моя родимая сторонка!
Гонят пастухи стада в село.
И ругает паренька чалдонка
на пароме весело и зло,

О моя Ока! Ананьев остров,

мой Уян, Алкушка и Курья!

Здесь дышать мне и легко и просто.

Только здесь так долго счастлив я.

Я уйду не простившись, уеду

Владимиру Михайловичу Кулинченко

Я уйду не простившись, уеду
в эти сладкие сердцу места,
где мальцом просыпаюсь до света,
где роса упадает с куста,
у раскидистой старой берёзы, —
не шуметь ей уже на юру...
Обмелели знакомые плесы,
лишь трава шелестит на ветру.
Моя милая, малая родина,
этот богом заброшенный край!
Столько лет! Но всё та же смородина
обнимает всё тот же сарай...
Выйдет там, за селом, огородами,
мое детство в шальном далеке,
между новым и старыми бродами,
где закат утопает в реке.
Он по прежнему сочен и ярок
в редких соснах на том берегу.
Скрипа вёсел и песен доярок,
наполнявших уютom реку,
не услышать уже. Только воды,
одиоко журча на бегу,

увлекают снося мои годы,
как осенние листья в реку.

Отзвуки детства

Андрею Семёновичу Корниенко

Я помню как пахнет талинника куст,
как каплет, мутнея, березовый сок
и запах полыни, и щавеля вкус
я в отзвуках дальнего детства сберёг.

А ты, ощущаешь как дышит трава,
тонка и прозрачна небес акварель,
как преет, слоясь подо мхами листва
под звон тишины?

Неожиданно трель
расколет распадок, уйдет рикошетом,
и предощущение красоты

возникнет

и трудно сдержаться при этом
чтоб не закричать, не запеть...

Впрочем, ты
наверное любишь свой город не меньше
с его суетою и праздной тоской?...

Но только на фоне любой деревеньки
беззвучно тускнеет пейзаж городской.

Не архитектоника звука и света,
там лепет черемух, вселенские сны
и лёгкая грусть уходящего лета,

и клёкот прощальный: до скорой весны!
Уже в октябре остывают поля
и ёжится пашня под первой порошей,
задиристо-весел морозец хороший,
и неповторима родная земля.
Мечтаю дощатым пройти тротуаром,
себя ощутить человеком сполна
и снова увидеть: над старым амбаром
большая, как в детстве восходит луна.

Клёкот ворона

Сергею Куприяновичу Казаченко

Клёкот ворона. Давняя,
издалека печаль...
Тихо скрипнуло ставнями,
раскрутилась спираль
лет и звуков забытых...
Хорошо в городах:
нет ни окон забытых,
ни кладбища в крестах.
И пастух не разбудит,
не расколется бичом
сон

и звонкой не будет
синева над ключом.
День уютной ложбиной
не сойдёт за мысок,
не споёт петушиный
с хрипотцой голосок.
На окраине лета
не вопьётся в глаза
лунным оттиском света
колея колеса.

Через годы, в наследство,
далека и близка,
мне осталась от детства
по деревне тоска...

Первостроителям Саянска

Александру Петровичу Сигал

Я город мой люблю и воспеваю.
за свежесть рос, за утренний туман,
сосновый бор в котором утопает
по гулким голубеющим утрам.

За яркую расцветку редколесья
по осени над милою Окой.
За русскую задористую песню
по вечерам, морозною зимой.

И землякам своим я благодарен
за то, что здесь, в моем родном краю
красавец-город выстроен, подарен,
и навсегда вошёл в судьбу мою!

Журавли

Пожелтели поля. Потускнели заметно закаты
и поплыли туманы на покосах у самой земли,
и на дальних болотах, за рекою, как в детстве когда-то
слышно мне, как кричат долго, долго в ночи журавли.

Что они говорят там, бедовые, снова друг другу,
собирая в дорогу своих дорогих журавлят...
Дети, дети! Они, – тоже чувствуют нашу разлуку...
Из родительских гнезд скоро выпорхнут и улетят.

Улетят по делам, по началу совсем ненадолго.
И всё реже и реже, возвращаться к нам будут потом...
И быть может забудут, что речечка наша не Волга,
что без них опустел и стареет родительский дом.

Тихо выйду во двор. Так же тихо открою ворота
и пойду через мост, через поле в тумане один.
Прощаюсь и я с журавлями на дальних болотах,
как тогда от родителей, в тайне, сюда приходил.

А когда я вернусь и ты спросишь, ну что же я маюсь,
не сознаюсь, что сердце ночами всё чаще болит...
И скажу тебе тихо: «Родная, я всё понимаю...
Просто плакали долго опять за рекой журавли».

П Р О З А

СТРИЖИ

Рассказ

Это была самая большая моя потеря за последние годы. Я встретил ее у солнечного плеса за шиверой-кормилицей, где рыбачу много лет. Стрижи стремительными бестиями вырывались из гнезд высокого крутого берега и так же стремительно вонзались в него, возвращаясь. Их щебет и сейчас звучит в моей голове. Она сидела на корточках неподвижно и наблюдала за моей снастью, которая работала монотонно и утомительно – назойливо для постороннего глаза. И лишь подсознательное чутье, которое постоянно держит в напряжении азартного рыбака, чувствующего присутствие крупной рыбы, заставляло делать одну проводку за другой.

Ей было лет около тридцати пяти. Она спросила, как только я приблизился к ней, проводя снасть вниз по течению:

– Я уже почти час наблюдаю за вашей ловлей – и никакого результата.

Наверно, рыбалка удивительно скучное занятие и удел очень флегматичных людей.

В этот раз я ничего ей не ответил и, обойдя ее, пошел дальше, делая свое дело в силу годами выработанной при-

вычки. Но что заставляло ее так долго наблюдать за рыбалкой?

– У каждого свои на то причины, – думал я, проходя дальше.

И здесь произошло то, чего ожидает рыбак долгие дни и вечера до самой ночи, когда и снасти уже не видно, и ты делаешь проводку наугад, интуитивно заводя и опуская снасть в надежде на чудо.

Удар был неожиданный, сухой, почти без всплеска. Кораблик притопило, вся бечева вместе с поводками ушла под воду. Она звенела под напором воды, сопротивляясь течению всей своей стометровой длиной. Таймень взял мушку и ушел на дно, утащив за собой снасть. Надо полагать не очень мелкая рыба, так как притопленный кораблик мой оставался на одном месте, не сдвигаясь. Машинально делаю подсечку, пытаюсь сдвинуть к берегу крупную рыбу и понять, велика ли, голубушка. При хорошей сноровке моей снастью можно вывести на плесе тайменя килограммов на пять, притом, что вести он будет себя достойно, без рывков и свеч. Дальше было то, что бывает в кино с ускоренной съемкой, все почти автоматически. Не помню, как прыгнул я по откосу крутого трехметрового берега к урезу воды, не ослабив при этом снасть, как скрипело колесо спиннинга, выматывая метр за метром тот волосок, на котором сидела мечта рыбака. Помню только одно: затихли вдруг стрижи, любопытно и озабоченно выглядывая из своих амбразурок

и уже не летая над головой, не разрезая со свистом и шелестом воздух своими изящными серебристыми крылышками, имеющими по моему предположению необычайную фантастическую силу и гибкость, которая мало доступна нашему пониманию и неподвластна никаким законам физики.

Таймень вел себя спокойно, не понимая еще, что может лишиться всех удовольствий своей хищнической жизни из-за какой-то хайрюзовки, которую сто лет не пробовал, а тут вот захотелось попробовать. И когда он понял, что оказался помимо воли своей уже почти в моей власти, когда наши глаза встретились и он почувствовал весь трагизм своего положения, в каком-то непредсказуемо диком отчаянии сделал такой рывок, что удилище моей снасти согнулось в три погибели, а катушка заголосила на размотке так, словно голос Америки, включившись ночью по-воровски и, пока его не заглушат наши радары за каких-то две-три секунды, пытался донести до нас голос свободного, но истосковавшегося по нас мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.